

Обыкновенная семейная сцена

Максим Шелехов

Максим Шелехов

Обыкновенная семейная сцена

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шелехов М. Ю.

Обыкновенная семейная сцена / М. Ю. Шелехов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

«Обыкновенная семейная сцена» повествует о раздоре и разладе в семье Игнатовых, о "подвиге" Антонины Анатольевны, пролившей свет на настоящее положение дел в ее семье – так отчаянно, в момент кризиса; о том, как самые страшные опасения мужа ее, Андрея Константиновича, одно за другим сбывались. О злоключениях молодых Игнатовых, о чудачествах Пряникова, о жизни прочих членов «кружка Игнатовых». О славном городке Кузино, о его жемчужине, об «Искре».

Содержание

Обыкновенная семейная сцена	5
Некоторое происшествие, о котором пока умалчивает история	5
По ул. Пушкина	7
Несколько слов о самих Игнатовых и об их «кружке»	9
Сон Пряникова	11
Явь Пряникова	13
За столом в беседке Игнатовых	18
Бенефис Пряникова	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Обыкновенная семейная сцена Часть первая

Некоторое происшествие, о котором пока умалчивает история

Много бы отдал Андрей Константинович Игнатов в этот день, примерно в пять часов пополудни, чтобы иметь возможность от глаз жены своей каким-нибудь чудесным образом взять и раствориться в воздухе. Можно ли было ему представить еще за день и даже в самое это утро, что обстоятельства для него, против воли его и совершенно от него независимо, примут самый дурной оборот. Ничего не предвещало беды. Солнце светило ярко, вечер обещал выдаться приятным, увлекательным и принести с собой много комфорта. Две бутылки превосходного грузинского коньяка, специально приуроченные какому-нибудь удобному случаю, еще с вечера благополучно были переведены на место «публичнее», из отделения трюмо – напрямую в беседку, на столик, за которым планировался званый ужин на сегодня; гости по такому удобному случаю уже были приглашены... И вдруг – это роковое происшествие! «Ой-ой-ой», – только и умел, что вымолвить Андрей Константинович, в то время как жена его, Антонина Анатольевна, как-то неестественно округлив глаза и порывчато глотая воздух, точно рыба, выброшенная из воды на берег, пыталась отыскать в себе возможность выразить то, к чему и слов в известных ситуациях искренне любящим, привыкшим много доверять женщинам подобрать не всегда представляется возможным.

Когда прошел очередной, по счету четвертый приступ волнения чувствующей себя в последней степени оскорбленной и минутами впадающей в настоящее иступление женщины, несомненный виновник и возмутитель ее спокойствия, муж ее, Андрей Константинович, предпринял было попытку, как бы между прочим, заговорить и о вопросе насущном, о близящемся вечере, выражая полную готовность взять на себя столь неприятную обязанность оповестить всех приглашенных гостей о невозможности принять их у себя сегодня. Уважительную и правдоподобную причину отмены собрания Андрей Константинович, немножко, впрочем, смешавшись, обещался найти сию же минуту. Но и минуты у него уже не было. Антонина Анатольевна вдруг, что называется, разразилась и самым неожиданным образом. К великому потрясению своего мужа, она совершенно всерьез затребовала, чтобы ужин непременно состоялся, чтобы гости неминуемо были и чем скорее, тем лучше, и, как будто в доказательство своей решимости, не сходя с места, где происходила размолвка, со двора их дома, принялась обзванивать всех, кого ждали сегодня, с убедительной просьбой быть любезными поторопиться присутствовать. Андрей Константинович, в свою очередь, во всех попытках урезонить супругу не спешить «в таком настроении» появляться на людях оказался неудачлив. Ни к чему хорошему, по его убеждению, такая опрометчивость не могла привести. «А что есть *сейчас* хорошего?» – спросила у него Антонина Анатольевна надтреснутым голосом. Вопрос был откровенно риторическим, но Андрей Константинович все-таки достал в себе духу возразить, что можно, пожалуй, ситуацию и еще усугубить, если не придерживаться «необходимых мер временной изоляции»; но жена с ним не согласилась, заявив, и не без некоторой торжественности, что хуже уже просто не бывает, и не все ли теперь равно? С тем и остался озадаченный супруг встречать гостей, некоторые из которых в телефонном разговоре обещались Антонине Анатольевне быть с минуты на минуту, а кое-кто и вовсе предложил считать его уже одной ногой как у них. Сама же хозяйка, наконец, нашла нужным поторопиться с ужином, к которому она и по первой договоренности, не говоря уж *теперь*, заметно и безнадежно опаздывала.

Впрочем, гостей встречали чинно. Антонина Анатольевна, отрываясь от кухни, тоже выходила здороваться, сколько могла, держалась свободно и до поры до времени как будто даже с веселостью, отчего у Андрея Константиновича в голове зародилась одна обнадеживающая мысль, а именно, что может оно и ничего, что не с глазу на глаз ему с женой сейчас сосуществовать приходится и, что, может быть, все как-то и устроится. Что и как должно было устроиться, и каким разрешением ситуации в оптимальном для себя виде он желал бы в дальнейшем располагать, в том он не отдавал себе отчета и даже смутно. «Как угодно, но только бы не так, как днем!» – молил про себя Андрей Константинович, и от одной мысли, что все давешнее для него может повториться и при свидетелях, чувствовал холодок под ложечкой. Вообще он держал себя несравненно нервнее своей жены, и если на первых парах со стороны гостей и была возбуждена некоторая настороженность внимания к необыкновенной натянутости во взаимоотношениях хозяев, то, несомненно, он тому являлся первым виновником.

По ул. Пушкина

Недолго спустя, примерно в то самое время, когда во дворе дома Игнатовых заканчивались последние приготовления и званые гости в полном своем составе рассаживались в беседке за уже накрытым столом, в городок Кузино из города Х., транзитом, прибыл на сорок с лишним мест автобус, одно из которых во все время шестичасового пути занимал Игнатов Данил, сын Андрея Константиновича и Антонины Анатольевны.

Данил студент, ему только пошел двадцатый год, он приехал домой на выходные. От автостанции до родительского дома, если двигаться напрямую, ему было рукой подать, но он решил взять левее и сделать крюк через соседнюю улицу. Взявши в обход, он шел не спеша, предвкушая скорую встречу с родными и сладким чувством этим стараясь, как следует, насладиться. Нельзя сказать, чтобы он был слишком нежного склада, но определенно был чувствителен, к тому же продолжительная разлука имела свое влияние – три месяца уже прошло с того момента, когда он последний раз посещал Кузино. Теперь он шел знакомой дорогой с ясною целью и в нужном направлении, отчего сердце его приятно щемило. Много здесь влияла и погода. Стояла осень, ранняя, еще зеленая, еще заигрывающая и по заслугам пользующаяся всеобщим расположением, осень, еще вторящая лету, – та замечательная пора, когда солнечный день теряет свой изнурительный элемент и приятно греет, когда закат приносит ласковую свежесть, когда чистое, звездное небо дарит обворожительные вечера, – пора лиловой тоски, безудержных грез и любовной поэзии. Это был сентябрь, в самом его начале.

Внимательного читателя здесь сразу может озадачить то обстоятельство, что студент в сентябре, а, стало быть, сразу после каникул, страннейшим образом приезжает домой аж после трехмесячной отлучки. Ничего в том не будет экстраординарного, если учесть, что Данил Игнатов трудился летом. Скажем вперед, что манкировал заслуженным отдыхом студент не одних только денег ради. Скорее напротив, финансовая сторона в его случае совершенно не имела никакого веса, а была одна только идея, необыкновенная и, может быть, слишком юношеская. Но о том будет время нам поговорить позже, а сейчас отправимся мы лучше вслед за студентом Игнатовым на ул. Пушкина, на которую он благополучно свернул минуту тому назад, и теперь по которой движется к родительскому дому.

Улица Пушкина самая обыкновенная: узенькая, направо, налево дворы в восемь соток, облагороженные по-разному, всё от возможностей, но без особенных излишеств в устройстве и без видимого запустения, что бы бросалось в глаза, словом, типичная улочка самого заурядного провинциального городка, ничего особенного. Пройдись по этой улочке кой-какой гражданин, даже не столицы, а просто города масштабнее, областного центра, к примеру, – вполне возможно такому индивидууму и вовсе ул. Пушкина поганой покажется. Он и туфли лакированные непременно собьет на гравии, потому что не встретишь почти никогда среди частных секторов наших асфальта, и нос наверняка свой заткнет с неудовольствием, ведь у Никифору с 32-го дома, извините, корова, а у Клавдии Семеновны, пожалуйста, коз целая отара каждый день с утра туда, назад с поля плетется, и всё за собой горох сеет, производства известного. Данил, однако, не смотря на все эти мелкие неудобства, которые, не без того, и ему были заметны, – больше года он уже жывал в «Городе», – шагая по знакомой до последних мелочей улице, неменяющейся существенно сколько он мог себя помнить, не испытывал ничего, кроме безотчетного, но слишком ошутимого удовольствия. Все ему было здесь мило и любо. Он был полон приятных тревог и восторженных дум, таких же ясных как небо, распростершееся над ним безоблачною и уже кое-где мерцающею огнями бездной, дум, по-своему, как для астронома звезды в созвездиях, беспорядочно упорядоченных.

«Нет, все-таки, все говорят, забытая Богом провинция, – приходит на ум студенту, – а ведь это выражение до безобразия абсурдно. Ведь только здесь, как раз таки, и остался Бог,

только здесь Ему место сохранили; та тягость торопливой безысходности, что *там* неумолима и постоянна, здесь как будто ступенька. Здесь я как будто вновь веру обрел. Здесь Бог, точно Бог, я Его здесь в себе чувствую...»

Все это, конечно, молодые мысли и слишком, может, восторженные, как должно показаться читателю... Но, опять же, настроение читатель должен учитывать. К тому же не всё религиозно-философским порывам была предана молодая душа: по мере приближения к дому родителей Данил все больше обращался мыслями в самое ближайшее свое будущее, которое многое ему обещало и столько же позволяло предугадывать! Еще бы, ведь он не предуведомлял о своем приезде, его ждут на следующей неделе; интересно как-то его теперь встретят?

«Вот так удивятся наверно! Обрадуются, конечно, – предвкушает студент. – Мама на шею вмиг бросится, зацелует всего, и на кухню непременно. А на кухне: «Хоть шаром покати! Ну что же ты не предупредил меня, Даня? Дай-ка взглянуть на себя... Ну, чего мамкаешь!.. Как исхудал, а мне и накормить нечем. Нам-то чего троим? Сонечка, ты же ее знаешь, как мышка. А отец, что отец? Да вот и он». Мать к холодильнику. О, холодильник полон! Отец от Салтыкова-Щедрина оторван, выходит из гостиной. «Привет мужчина, – говорит с улыбкой, крепко руку жмет, любовно хлопает по плечу. – Как дела твои?» – «Всё хорошо, отец. А сестренка где?» – «Гуляет ...»

Такою видится Данилу предстоящая встреча с родителями. Да и долго ли ждать? Вот уж и знакомая калитка, палисадник ухоженный, вот клумбы мамины. Дина только почему-то не встречает. В вольере заперта, должно быть? Точно, вон сидит, скучная. Гости, стало быть. Так и есть, гости. Надо же, как некстати! Еще что-то шумят.

Несколько слов о самих Игнатовых и об их «кружке»

Со двора из-за калитки действительно доносятся оживленные голоса, как будто там возникла размолвка. Данил не спешит войти и прислушивается. На первых ролях все как обычно: Дмитрий Сергеевич Пряников, папин хороший друг, и Иванова Маргарита Олеговна, директор 2-й общеобразовательной школы, в которой Антонина Анатольевна, мама Данила, заведует воспитательной частью. Дмитрий Сергеевич, наверняка, опять юродствует, чем дразнит восприимчивую Иванову. Маргарита Олеговна, как и подобает глубоко порядочной и воспитанной женщине, коей она в совершенном праве себя считать, раздражения своего открыто не выказывает, но затаенное возмущение, все же, прослеживается в каждом ее движении и в словах.

–Прошу прощения! – говорит она. – Уважаемый Дмитрий Сергеевич, может быть, во мне укоренились ретроградные взгляды на некоторые вещи, заметьте, я этого не исключаю, или, на что я особенно надеюсь, я что-то упустила и недостаточно правильно вашу мысль трактовала для себя, или же, не примите на личный счет, с каждым может случиться, это всё как-то неловко идею свою представили, вследствие чего и вытекло это чудовищное искажение? – в противном же случае мне совершенно непонятно и, больше, я даже боюсь уяснить для себя, что порок, или неудержимая страсть, как вы сейчас изволили выразиться, оступившемуся человеку, опять же, по вашим словам, должна быть не только простительна, но даже в некоторых случаях поощряема! – это в каких таких случаях, осмелюсь поинтересоваться, и собственно ваши ли это мысли, или вы их откуда-нибудь черпали?

–Ну, вы, Маргарита Олеговна, как вы это... просто огорошили. Я, признаться, несколько затрудняюсь... Сразу и слов не подберешь...

Пока Дмитрий Сергеевич находит, что ему ответить на затяжную тираду его оппонентки, воспользуемся временем и основательнее познакомим читателя с действующими лицами нашего рассказа; начнем, разумеется, с лиц первых, с хозяев дома, собравших под своим кровом гостей – с супругов Игнатовых.

Она – Игнатова Антонина Анатольевна, завуч общеобразовательной школы, замечательной красоты женщина, с изящными, утонченными, в высшей степени благородными чертами лица, стройна и грациозна, умна, отличается изысканным тактом и пользуется глубоким уважением среди учеников и коллег на работе, а также друзей и знакомых в быту.

Он – Игнатов Андрей Константинович, городской чиновник не самого высокого ранга. Но не из-за отсутствия талантов и ума его ранг невелик. Совсем наоборот, он прекрасно образован и интеллигент по натуре, что, собственно, и мешает ему плести интриги и препятствует карьерному росту. Но, наряду с тем, он, ни в коем случае, не надменен и не щеголяет своими достоинствами, не резонёр и не склонен к осуждению, необычайно толерантен, чужие недостатки и мелкие грешки намеренно не замечает, за что располагает искренней симпатией коллег и радушием начальства. Вообще же Андрей Константинович в местечке Кузино пользуется репутацией своего парня, конечно же, в самом высшем свете нашей милой провинции.

Супруги Игнатовы еще со времен формирования и становления их молодой семьи зарекомендовали себя парой компанейской, что называется, светской, и с удовольствием принимают под своим кровом гостей: умеют расположить к себе, угодить, создать непринужденную атмосферу и сделать комфортным присутствие. Всё это получается у них как-то само собой и не требует особых усилий. Порядочность, манерность, с вашего позволения, комильфо, видимо, были привиты им обоим генетически. Стоит ли говорить, что в нашем местечке они считаются парой диковинной, о них судачат и ими живо интересуются. И какие только не ходят об этом семействе кривотолки. То Игнатовых записывают в сектанты, неизвестно из каких соображений, то в аскеты, несмотря на всю их гостеприимность и открытость в обращении;

между прочим, ходит также и молва о спиритических сеансах, якобы происходящих в их доме; о театральных же сценках, нашедших место возродиться под кровом Игнатовых, упоминают и не просто, а в каком-то даже пароксизме насмешки, не иначе как о вещи самой экзотической. Находятся, впрочем, среди нашей публики и те исключительные либералы, кто, не вдаваясь в разьяснительные подробности, выражают простую мысль, что супруги Игнатовы чудачки, каких мало, и уж, несомненно, эти последние со своим лаконичным замечанием ближе всех стоят к истине.

Еще завелось у нас в обиходе такое выражение, как «кружок Игнатовых». Так говорят о людях, состоящих в близких сношениях с Антониной Анатольевной и Андреем Константиновичем и бывающих в их доме. И не только. Это словосочетание вообще сделалось у нас крылатым. К примеру, кому-то случилось выказать мысль оригинальную: «Да ты не из кружка ли Игнатовых?» – замечают ему на это с иронией. А другой, вдруг, музыкой классической заинтересовался: «О, дружок, да тебе в кружок Игнатовых», – ему говорят. О литературе кто завел речь, о кинематографе, а не просто о кино, о событиях каких исторических – к Игнатовым. Замечательно при этом, что ни сами зачисляющие, ни уж тем более те, кого зачисляют в «кружок», зачастую о самих Игнатовых, как говорится, ни слухом, ни духом, и уж, конечно, не могут знать наверно, слушают ли у Игнатовых классическую музыку и о чем там ходят разговоры. Интересно также, что, несмотря на всю популярность этого «кружка», очень немногие стремятся в нем очутиться, что, опять-таки происходит главным образом от избытка мнений, низводящих всегда до звания смешного и чудачковатого все, что хоть как-то стремится из ряда вон, мнений, всегда являющих собою как бы преграду между смелым, самобытным и привлекательным и избитым, рядовым и установленным. А кто по этому принципу теряет больше – Бог весть.

Одним из самых ярких и постоянных представителей «кружка Игнатовых», безусловно, является Пряников Дмитрий Сергеевич.

Сон Пряникова

Вот уже которую ночь к ряду Дмитрий Сергеевич спит самым тревожным сном. Снится ему кошмар, один и тот же, от ночи к ночи повторяющийся. Снится ему, что его судят за преступление, якобы им совершенное, однако о котором он решительно не может вспомнить, как ни силится. Судят его в обыкновенном школьном классе, кабинете истории, в котором он, помнится ему, особенно озорничал в бытность школьником. Снится ему, что в качестве присяжных и вообще все присутствующие на суде сплошь его знакомые. Все кивают головами в сторону подсудимого, делают ему укоризненные знаки указательными пальчиками. Дмитрий Сергеевич, к слову, хоть и не помнит сути преступления своего, но вину свою всем существом своим признает и вполне принимает, и даже уверен он внутренне, что повинен слишком и что суд над ним, как есть, свершается заслуженный. В процессуальном зале тесно и душно; публика заметно утомлена и, по всему видно, только и ждет каждый, что скорейшего разрешения процесса, и, что тоже можно без труда угадать по лицам присутствующих, вовсе не заботится никто из них о судьбе самого подсудимого. Дмитрию Сергеевичу неприятно наблюдать столь очевидную всеобщую незаинтересованность его персоной и что в такой момент, когда, можно сказать, вся жизнь его висит на волоске, кому-то может быть так откровенно скучно. Однако, вместе с тем, он чувствует, что и не может происходить иначе, что и равнодушного вида, должно быть, удостоен он только авансом, что предстоящим заточением своим всем этим почтенным особам, скорее всего, он доставит даже и удовольствие, что он давно уже всеобщий изгой и что от него порядком устали. С осознанием этого нелегкого чувства, Дмитрий Сергеевич, невольно для себя, расплывается перед слушателями его дела в заискивающей и виноватой улыбке. Ему, честно, совсем не хочется сейчас лебезить; он, напротив, в такую минуту очень не прочь был бы выказать твердость духа и окинуть окружающих независимым, преисполненным достоинства взглядом. Но выходит все против воли его, по мановению привычки, с подачи мягкого сердца, ввиду услужливости характера. О, как он презирает себя в эту минуту! Но он не может ничего с собой поделать и продолжает гримасничать самым нелепым образом. Одно желание сейчас у него, чтобы скорее процесс по нему кончился, чтобы избавиться ему, наконец, от глупого теперешнего его положения, с тем, что хотя бы уже прямо так и в тюрьму!

Наконец выносят приговор, по которому Дмитрию Сергеевичу надлежит провести в заточении ближайшие восемь лет. Многовато, излишне, но, что ж, он готов. Однако, что это происходит? Ему не спешат надеть наручники. Конвоиры по завершении процесса так даже особенно торопятся удалиться и выходят из класса первыми; за ними следуют члены суда, затем господа присяжные и остальные слушатели. Уходят все, и он остается в кабинете истории один. Это вдруг наступившее одиночество и нависшая над ним неопределенность Дмитрия Сергеевича и настораживают и пугают. Он срывается с места, бежит из класса, из школы, настигает одного неторопливо шедшего знакомого своего, бывшего на суде, и пытается у него выяснить, что же это такое, в конце концов, происходит и почему его, собственно, не арестовывают? Этот знакомый не одаряет его ответом, Дмитрий Сергеевич спешит к другому знакомому с тем же вопросом. И другой знакомый, слушатель его дела, ничем не может ему помочь. Дмитрий Сергеевич с досадой бросается к третьему. Третий знакомый совершенно серьезно, как будто именно в том вопрос и стоял, заговаривает о политических новостях, в частности, о новом министре образования, вчера только назначенном на должность, чем доводит Дмитрия Сергеевича чуть не до иступления.

—Объяснит мне кто-нибудь, наконец, что все это может значить? – кричит он во всеуслышание. – Почему вы все такие равнодушные ко мне и совсем не хотите забрать меня в тюрьму? – интересуется он всё с тою же горячностью, обращаясь уже преимущественно к беззаботно и праздно шествующим чуть поодаль конвоирам. Но, несмотря на всю эмоциональ-

ность его возгласа, на Дмитрия Сергеевича мало обращается внимания. Кто-то из далеко ушедших вперед, кажется, на секунду обернулся, но и только, кто-то, из тех, кто оказался ближе, даже и любопытно взглянул на него, но не более чем. В остальном, публика, еще так недавно безучастно наблюдавшая над ним суд, столь же мало интересуется его персоной и теперь. Один, правда, седой и согбенный старичок, у которого Дмитрий Сергеевич давным-давно, если верить его смутным воспоминаниям, почти за бесценок приобрел земли участок, снисходит все-таки старческим голосом глухо произнести: «Зачем торопишься, сынок? Успеется. Никуда не денется наказание от тебя, а покуда гуляй». Дмитрий Сергеевич, выслушав речь старичка, встает на месте, как вкопанный, сраженный вдруг постигнутой истиной. «Так вот как это понимать следует! – подытоживает он мысленно. – Значит, вину мне вменили, сроком одали, а с задержанием, значит, отсрочили – так это понимать следует?»

–Я так понимать отказываюсь! – продолжает он уже в голос. – Как же это я гулять сумею, простите? – пускается он в объяснение с удаляющимися своими знакомыми, догоняя тех, кто ушел недалеко и дергая их за обшлага рукавов. – Как же это у меня получится, люди добрые? – спрашивает он с мольбою во взгляде и со слезами на глазах. – Гулять-то как вы мне прикажете, милые, когда не сегодня, завтра меня на восемь лет, извините... Извините, разве можно поступать так с человеком! – вконец устав наблюдать к собственной персоне отовсюду полную безучастность, раздражается он. – Я что вам ветошь какая-нибудь, с которой обходиться можно так предательски? Я не ветошь! Я такой же, как и вы, человек, и у меня, чтобы вы знали, тоже есть чувства. Я не хочу, я не могу так жить! Я требую, слышите вы, все вы, я требую своего ареста незамедлительно!..

–Да очнись ты!

–Это что еще такое? – удивляется Дмитрий Сергеевич. Перед ним вдруг, как из-под земли, появляется его жена и толкает его, что есть силы, в бок.

–Очнись, дьявол, сил моих нет! – в гневе бросает она и больно бьет его по щеке. Дмитрий Сергеевич просыпается.

Явь Пряникова

Лежа навзничь, весь в холодном поту, он бессмысленно смотрел в потолок и тяжело переводил дыхание. Рассерженная жена, отвернувшись от него на другой бок и уткнувшись лицом в подушку, делала вид, что спит.

«Вот тебе и доброе утро! – наконец, родилась первая мысль в голове Дмитрия Сергеевича по пробуждении. – Не успел проснуться толком и слова молвить не успел, а уже чувствуй себя со всех сторон виноватым. Надоел этот кошмар! И повадился же, кровопивец, от ночи к ночи с такую дуростью в голову лезть, будто и присниться больше нечему!»

Немногим позже Пряников, отстранив тяжелые воспоминания о виденном сне, аккуратно встал, чуть не на цыпочках пробрался на балкон, там с беспокойством и поспешностью преступника выкурил сигаретку и устремился на кухню. А еще не более чем чрез четверть часа он с подносом в руках, чуть склонившись, в позе камердинера перед барыней, уже стоял у ног мнимо дремлющей супруги своей. В сладчайших интонациях он предлагал своей курочке быть любезной девочкой и попотчеваться кушаньем, приготовленным для нее с горячей любовью и великим старанием.

– Ты можешь хоть раз в жизни не кривляться? – неохотно поворачиваясь, скучным голосом отвечала ему жена.

– Опять курил? – учуяв запах сигарет, продолжала она уже голосом в высшей степени трагическим, с выражением глубочайшей брезгливости на лице. – Какая вонь! Какой уж теперь аппетит! И с сильнейшей аффектацией, она вновь отворотилась от Дмитрия Сергеевича, теперь накрывшись с головой одеялом.

– Ну, мне пора, моя козочка? – с минуту помявшись на месте, не выпуская поднос из рук, обронил-таки Пряников вопросительно. Ответа, как и ожидалось, не последовало. Но было, по-видимому, еще что-то, что мешало ему не мешкая удалиться.

– Сегодня порядком помотаться придется, – робко приступил он, – гляди, одно дельце выгорит. Я возьму денежку на проезд по городу, моя ситцевая, а то у меня все мелкие купюры вышли, одни крупные остались.

Последняя информация о крупных деньгах жену Пряникова, похоже, слишком заинтересовала, так что она даже по пояс из-под одеяла вынырнула и, круто развернувшись, приподнялась на один локоть. Остается загадкой, что она в физиономии мужа обнаружила, но вдруг проявившееся на ее лице любопытство, очень резко сменилось выражением насмешки, только она всмотрелась в объект своих наблюдений пристальнее.

– Ну-ну, – проговорила она иронически, – возьми, конечно, любимый, мои денежки мелкие, раз у тебя свои слишком крупные.

Дмитрий Сергеевич от этих слов жены почему-то сильно смешался, засуетился, остро пожелал освободить руки и, преследуя эту цель, после некоторых колебаний, определил поднос с кофеем и бутербродом прямо на пол у кровати. Быстро опомнившись, с необычайной тревогой он бросился убрать с такого неприглядного места завтрак для жены, и не нашел ничего лучше, как взгромоздить поднос высоко на шифоньер. Довольно скоро он догадался, что и на шифоньере кушанью, приготовленному «с горячей любовью и великим старанием», очевидно, быть не пристало, но уже не решился что-то менять и оставил все как есть. Потупив взгляд, он произнес тихо и нерешительно:

– Так я пошел?

Его не задерживали и он пошел.

Куда он пошел, зачем пошел, и сколько он будет вот так, без толку, ходить изо дня в день? – Дмитрий Сергеевич на первых парах избегал о том и подумать. Вот уже полных три

месяца пребывал он в самом невыгодном для себя положении и серьезно предчувствовал, что находится на грани нервного срыва...

Звонок Антонины Анатольевны, которым она необыкновенно церемонно и несколько даже экзальтированно призывала искреннего друга их, почему-то вдруг, несчастного семейства, торопиться быть у них раньше запланированного, застал Дмитрия Сергеевича на выходе из букмекерской конторы, где он, только что, проигрался в пух.

– Да-да, конечно, о чем речь, Тонечка, считайте, что я одной ногой как у вас, мои милые, – ответил Пряников и тут же прикусил язык, да так больно, что чуть не вскрикнул. Антонина Анатольевна уже давно положила трубку, а Дмитрий Сергеевич, с телефоном у уха, с открытым ртом и отсутствующим взглядом, все еще стоял на месте и не шевелился.

«Не зря обо мне говорят, что язык у меня вперед мысли торопится, – очнувшись, спустя некоторое время после совершенной им глупости, подумал он. – И что теперь делать? И дернул же черт меня, прости Господи, согласиться быть у Игнатовых на ужине, когда, когда... (развернувшись, Пряников еще раз окинул самым тоскливым взглядом заведение, лишившее его, в прямом смысле слова, последней копейки) – когда Шарاپова, как следует, подать мяч не умеет», – заключил он свою плачевную речь, комментарием к действиям знаменитой теннисистки, проигравшей в этот день и на победу которой, он, судя по всему, серьезно возлагал и не одни только надежды.

Дмитрий Сергеевич поник окончательно. Мало того, что все средства его вышли вместе с двойной ошибкой при решающей подаче Шараповой, так еще и обещание им было дано, как раз от наличия этих средств, а значит и от удачных действий Шараповой, напрямую зависевшее. Теперь ему попросту и билет в Кузино не на что было купить; а вместе с тем: «Тонечка, считайте, что я одной ногой как у вас». – Дмитрий Сергеевич, вспомнив недавние свои слова, гневно топнул ногой, и если бы только то могло быть осуществимо, за несдержанность свою, наверное, задушил бы себя на месте собственными руками.

Впрочем, если на чистоту, Пряников на счет присутствия своего на грядущем вечере у Игнатовых гарантии уже давал и ранее. Было то еще в понедельник, когда он, оказией очутившись в Кузино, не преминул заглянуть в тамошний горисполком, чтобы повидаться там с Андреем Игнатовым. При этой встрече достался ему нагоняй, за то, что совсем он стал отшельником и даже ближайших своих друзей дичится. Пряников в форме шуточной, дабы скрыть смущение, сослался на великую занятость, на что Андрей Константинович ему тогда заметил, что всех дел не переделаешь и взял с несерьезного своего друга наисерьезнейшее ручательство быть у него в гостях в эту пятницу.

И вот пришла пятница, день, который Дмитрий Сергеевич ждал с нетерпением и тревогой. И во вторник, и в среду, и в четверг он нарочно ничего не предпринимал, дабы не спугнуть удачу, и жизнь его шла своим чередом. Он просыпался ни свет, ни заря, потихоньку убегал с глаз жены, фланировал весь день по окрестностям города Д., в котором жил, бесполезно сбивал каблуки, борясь со скукой и нагоняя голод. Возвращался он домой в эти три дня, может, даже позже обычного; изнуренный бесцельными скитаниями и порядком проголодавшийся, он все же не спешил садиться за совместный супружеский ужин. Наперед взволнованный неизбежно предстоящим отчетом, сначала он находил отсрочку в ванной комнате, затем вызывался вынести мусор, интересовался, достаточно ли дома хлеба и не нужно ли за ним сходить в магазин, прислушивался, не звонит ли телефон и выбегал определить причину шума на лестничной площадке. Наконец, усаживались. Включая всю свою фантазию и поочередно пряча взгляд то в тарелке супа, то в куриной отбивной, то в чашке с чаем, он пересказывал жене, сколько ему помотаться пришлось, как попотеть и сколько нервов он в этот день потратил, чтобы добиться тех значительных результатов, которые в самое ближайшее время дадут существенные плоды. После он отправлялся на диван к телевизору и делал вид, что дремлет; затем шел спать.

Как начиналось это утро для Пряникова, читатель помнит. После всех домашних неловкостей, очутившись на улице, он почувствовал себя куда свободнее. Он вздохнул свежего воздуха, отогнал неприятные мысли, то есть все мысли, другими словами, попросту положил до поры вовсе ни о чем не думать. Прошелся немножко в направлении незаданном. Развлек взгляд, посмотрев по сторонам; не обнаружив для себя ничего примечательного в этой части города, решил побаловать себя и купил билет на троллейбус. Букмекерская контора открывалась ровно в час пополудни, и Дмитрий Сергеевич по маршруту троллейбуса успел совершить полные три круга, и еще кое-где кое-как скоротать свой досуг, прежде чем настал знаменательный этот час. И вот теперь подходило время всерьез задуматься.

Нельзя сказать, чтобы Дмитрий Сергеевич был совершенным новичком в играх на тотализаторах, но он и не был «сих увлекательных мест» завсегдатаем. Он являлся одним из тех периодических игроков, кто, с одной стороны, пока не предан всецело одному только уму и математическим расчетам, кто еще уповаet на удачу и доверяет интуиции тоже. С другой же стороны, Дмитрий Сергеевич был уже достаточно научен, чтобы понимать, что букмекерский дом не праздно здесь стоит, представляется, будто не абы какое он строение архитектурное, и не за тем, конечно, чтобы благотворительствовать корыстолюбивым гражданам, а за тем, чтобы обдуривать этих самых граждан, поклонников мамоны, и выуживать из карманов их штанов, а порою и из пузатеньких портмоне кровные их денежки. Знал также Дмитрий Сергеевич, что букмекерская машина сатирическим характером обладает, уж очень она игрива и насмешлива, что практикует она, заманив новичка малым выигрышем, разгорячив его, таким образом, огреть затем обухом, в самый решающий момент, когда он, уже тепленьким, вздумает сыграть по-крупному. Словом, в курсе уже был Пряников, исходя из личного опыта, разумеется, что, входя в сношения с букмекерской конторой, нужно быть всегда начеку, держать ухо востро, в аппетитах быть умеренным и не забирать в голову ничего лишнего.

«Я сюда только за крайне необходимым, – порешил Дмитрий Сергеевич у двери на входе в игорный клуб. – Доберусь заветной цифры и ищи свищи меня: перво-наперво домой, с благоверной рассчитаться, и – в Кузино, к Игнатовым, со спокойной душой».

Что же это за красное число, которое себе наметил Пряников, и каким образом выходило оно ему спасительным?

Произнося мысленно «рассчитаться с благоверной» Дмитрий Сергеевич подразумевал не один только сегодняшней его займ мелкими купюрами; ему вообще необходимо было реабилитироваться в глазах жены. Ему нужно было доказать, что подозрения ее, которые, к слову, она уже и не стеснялась обнаруживать, напрасны и нелепы. Ему требовалось убедить ее, что он никакой не дармоед и не бездельник, что у него есть свое дело, о котором она, между прочим, и не должна знать, потому что это дело не женского ума, во всяком случае. «И пусть она теперь видит, – предвкушал наперед Дмитрий Сергеевич, – что дело мое – невымышленное дело и, что приносит оно реальные плоды, и будет приносить впредь еще боле!..» А так как он уже два месяца домой ни копейки не приносил, то и сегодняшней его взнос в семейный бюджет должен быть, пусть не грандиозным, но, во всяком случае, значительным – к такому выводу пришел Дмитрий Сергеевич. Рассудил он, что, как минимум, тышчонки полторы нужно ему сегодня супруге пожаловать, а для пущей убедительности, так лучше бы две с половиною... подумал еще и сошелся сам с собою на двух тысячах, которые необходимо было ему выиграть, чтобы возродиться в звании мужа.

Другая часть ожидаемого выигрыша целиком и полностью посвящалась предстоящей поездке к Игнатовым. И здесь тоже не все было так просто, как может показаться на первый взгляд. Вопрос стоял не в одном только билете, который необходимо было ему купить, чтобы достаться Кузино. Проезд стоил вовсе не так дорого. Были еще кое-какие препятствия, характера больше нравственного, мешавшие Пряникову очутиться на вечере у друзей в спокойном душевном состоянии и с отрадным чувством раскованности. А ему мечталось, наконец, вновь

почувствовать себя свободно, он уже и забыл как это, быть самим собою вполне. Например, он никогда раньше не позволял себе прийти в гости с пустыми руками, последние же два его посещения дома Игнатовых, нарушили эту приятную традицию. И что же: он чувствовал себя на этих вечерах как не в своей тарелке и был сам на себя не похож, что ему тогда все и заметили. Отчасти он и по этой причине манкировал неоднократными приглашениями Андрея Константиновича весь прошлый месяц. Теперь ему хотелось, во что бы то ни стало, нарушить нехорошую тенденцию и, наконец, купить цветов Антонине Анатольевне, а также преподнести другу парочку дорогих сигар. Дмитрий Сергеевич уже и сейчас, казалось, чувствовал их тонкий аромат, представляя, как он и Андрей Константинович, воспользовавшись подходящей минуткой и отпросившись у дам, тихонько и с приятностью беседуют в сторонке «об интимном»... И, наконец, Дмитрию Сергеевичу непременно нужно было отдать Игнатову долг. Он еще в прошедший понедельник определил, что пока с другом не рассчитается полностью, в глаза ему больше взглянуть не посмеет. К такому выводу он пришел еще в последнее их свидание, когда, пожуренным за одичалость, он, жмурясь от стыда, опять попросил займы, будучи и без того уже должным. Андрей Константинович тогда, отсчитывая пять стогривневых купюр, вовсе не обнаружил неудовольствия, кроме того, и глазом не моргнул и бровью не повел и никаким другим образом ему не намекнул о прошлом его обязательстве, но все равно Пряников чувствовал себя чрезвычайно скверно, принимая эти деньги. И теперь еще оставался осадок. Он не мог назвать причину, отчего таким бременем висел на нем долг перед искренним другом, человеком понимающим, добрым и отзывчивым, способным, из одной только учтивости, нарочно забыть о сделанном им одолжении. Он просто предчувствовал, что присутствовать сегодня у Игнатовых на ужине, оставаясь Андрею Константиновичу обязанным, будет ему, по меньшей мере, несносно. Стало быть, чтобы отправиться ему сегодня в Кузино, куда ему хотелось, к слову говоря, очень, необходимо было ему выиграть не на один только билет на автобус.

Сосчитав в уме, Дмитрий Сергеевич нашел, что задолжал Андрею Игнатову тысячу триста гривен. Почти даже без раздумий он тут же пришел к выводу, что округлит и отдаст другу все полторы тысячи и, ни под каким видом, назад сдачи не примет. Расплывшись в блаженной улыбке от одной мысли об этой сладкой минуте, сверхмотивированным на успех, Пряников переступил порог букмекерской конторы.

«Какое это великое счастье, освободиться от долга перед преданным, великодушным другом, – размышлял он, уже находясь внутри перед списком коэффициентов на ставки в режиме «Live». – Лучше быть должным плохому другу, лучше быть должным злейшему врагу, грозящему отправить тебя под суд – проще будет сносить такое...»

Дмитрий Сергеевич, уместным будет здесь сказать, и на самом деле был должен и плохому другу, если только допустимо это выражение, и злейшему врагу, и вообще, кому он только не задолжал за последнее время. Но все эти долги куда меньше его задевали и, более того, в моральном отношении, он даже имел, что противопоставить прочим своим заимодавцам. Подтверждением чему могут послужить собственные его думы, производимые в тот момент, когда, стоя перед монитором со скользящим списком встреч, выбирал он, на что бы ему поставить такое этакое, чтобы непременно оказалось оно выигранным.

«Наверняка на сегодняшнем вечере будет и Бондаренко, – попутно своему ответственныйшему занятию серьезно досадовал про себя Пряников на одного из представителей «кружка Игнатовых», кому был должен. – Мог бы и пропустить. Надоел! Из-за двухсот пятидесяти гривен, несчастных, такую канитель разводить! Где не встретит, все в глаза заглядывает, точно впрыгнуть хочет. Денег хочет. Да если бы только были у меня, чтоб я не отдал! Непонимающий человек... И вот будет же на вечере, непременно будет, как пронюхает о запланированном моем присутствии, так непременно и придет, больше же ему там и интереса никакого. Ехидный человек!.. А я ему возьму и язык покажу. Ха-ха! Будет пялиться, а я с ним вот такую штуку продаю. Непременно... Вот! На Шаропову! – затрепетал даже Дмитрий Сергеевич, заметив

в списке грядущих событий, встречу с участием своей любимой теннисистки. – Непременно нужно ставить на Марию Шарапову, она умница девочка! Машка – это... Машка мне нравится, и она сейчас в форме. Но она через три часа аж начинает... Ничего, а я подобью как раз к тому времени сумму энную, а с нею мы и доберем. Ловко придумано! Машка – это наверно, сомнений никаких! Сколько на нее? 2,0 коэффициент! Вот тебе и на! Во дают, в Машку что ли не верят? А я в Машку верю. Машка – это... Машка своя, Машка красавица!.. А Бондаренко... Бондаренко вовсе никакой не красавец... Кукиш ему, Машка не для него будет побеждать: ничего я ему не отдам! Контора не бездонный кошелек, и строптива контора, не любит, когда с ней во имя всякой чепухи заигрывают...»

«Итак, подобьем: две дьяволице моей; Андрюше полторы тысячи, не меньше; затем дорога, подарки – ну, пусть, гривен пятьсот на все про все уйдет. Себя-то я не вправе обделить – тоже сотен пять, думаю, мне не станут помехой, на первое время. Ну и... Конторушка, милая, не для него – черт с ним, лупоглазым, с окунем этим! Для себя я прошу: вечер-то какой обещает быть, зачем портить? Рассчитаюсь я с Бондаренко – а, конторушка? – войди в положение... Верю. Верю в благосклонность твою! Итого: тэк-с... четыре тысячи семьсот пятьдесят гривен необходимо мне выиграть. А сколько у гюрзы своей с кошелька я утащил? Посмотрим. Три гривны на трамвае прокатал, осталось: тэк-с... восемьдесят шесть. Однако... – в задумчивости почесал Дмитрий Сергеевич безволосое пространство на темени, – будет непросто. Ну, что же, приступим! – нахмутив брови, твердо и решительно произнес он. – Тэк-с, что у нас тут на мониторе происходит, какие события грядут в скором времени?.. Вот. Начнем, пожалуй, мы с собачьих забегов...»

Сколь легкомысленным ни должно показаться такое намерение любому мало-мальски основательному и практическому человеку – с восьмидесяти шести гривен добраться чуть не пяти тысяч за один присед на тотализаторе, каким авантюристом ни должен бы обнаружить себя игрок, возлагающий серьезные надежды на такой маловероятный исход, а Пряникову все же – нужно отдать должное его интуитивному чутью и вере в удачу – немало преуспеть удалось в своем предприятии и, совпади еще только одна, последняя, заветная звезда как надо, забрал бы он намеченное им заранее целиком и с лишком даже. Но последняя, заветная звезда – Мария Шарапова, – Машка, Машенька, роднулечка – как он болел! – смазанной своей подачей разом смазала и все надежды его и планы. Дмитрий Сергеевич пошел ва-банк (а было у него уже две тысячи восемьсот гривен к тому моменту, как начинала свою встречу Шарапова: из шести забегов трижды угадал он первую собаку, и еще баскетболисты филиппинские бросали счастливо, нужный ему тотал набив), – поставил он все выигранное им на фаворитку свою, и в пух проигрался. Теперь, чтобы поехать Дмитрию Сергеевичу в Кузино, – а он уже одной ногой должен был быть там, по своему обещанию, – чтобы сдержать ему слово и вторую ногу свою во двор к Игнатовым занести, только одно ему оставалось...

Жена Пряникова в ответ на его робкое и осторожное предложение неожиданно проявила живейшую заинтересованность в совместной их поездке в родной город его, в гости к его друзьям. Она только попросила, – очень даже вежливо попросила, что насторожило Дмитрия Сергеевича, как дело небывалое или, по крайней мере, непривычное ему, – подождать немножко, пока она закроет свой парикмахерский салон. Затем они сели в ее машину, в восьмом часу пополудни, и отправились в Кузино. В начале девятого, заметно взволнованным и непривычно рассеянным, почти без выражения признательности за визит, пригласил их в свой дом Андрей Константинович Игнатов. Они вошли, как порядочные гости, не с пустыми руками, а с сигарами для хозяина дома и цветами для его жены.

За столом в беседке Игнатовых

Вопреки ожиданиям очень немного удовольствия испытал Пряников на первых парах присутствия своего у друзей в гостях. Сплошной дискомфорт пронизал все естество его, только очутился он во дворе у Игнатовых. Все сразу пошло не так. Как и предчувствовал Дмитрий Сергеевич, жена его не замедлила обнаружить недобрые намерения относительно своего визита. Только переступили порог, она тут же заметила пригласившему их Андрею Константиновичу его небывалый растерянный вид, что было хоть отчасти и справедливо, но весьма неделикатно с ее стороны. Затем, вручая цветы Антонине Анатольевне (купленные за ее деньги и не сказать, чтобы по собственной ее инициативе – что греха таить), она нарочно и, как показалось Дмитрию Сергеевичу, весьма едко акцентировала на том, что образцовый(!) муж ее, как человек во всех смыслах дельный и *порядочный*, с пустыми руками в гости ходить считает не приличным и что и жену свою, на что она надеется обратить особое внимание, он потихоньку тоже приучает к *порядочности*. Антонина Анатольевна, слава богу, при всем при этом проявила себя крайне озабоченной и хорошенько, кажется, весь этот вздор не расслышала. Но, и с самим Пряниковым во время приветствия хозяйка дома обошлась тоже не так тепло, как ему бы, может, того хотелось, только и удовлетворив «искреннего друга их семейства», что скупой и натянутой улыбкой да едва заметным наклоном головы. Кроме того, и остальные гости, по замечанию Дмитрия Сергеевича, были тоже словно на иголках, хоть и старались сообща и сколько умели дисгармонию в настроениях скрыть (Пряников с супругой своей последним прибыл; с их приходом все, кого ждали, оказались в сборе); с Андреем Константиновичем же «по-хорошему» и в двух словах переговорить ему оказалось невозможным: тот страшно суетился, ходил с понуренной головой и вообще был не похож на самого себя несколько. Прошли за стол в беседку, кое-как расселись, предстали каждый друг пред другом лицом и тут же умолкли. Долго не могли подобрать необходимых слов, чтобы завязать разговор. Все всё сразу угадали: между супругами Андреем и Антониной пробежала черная кошка, и *порода* этой *кошки* также не обошла искушенных и сообразительных присутствующих умов. Тема табу, таким образом, негласно и всеми была определена, но, как это и всегда бывает, нет, чтобы ее в стороне и в покое оставить, напротив, все на этой теме вдруг разом заикнулись, про себя увлеклись и никак не умели заговорить о чем-нибудь другом. Потому и безмолвствовали. На Андрея Константиновича было больно глянуть в эти минуты и Дмитрий Сергеевич, как истинный и преданный друг, поспешил прийти ему на выручку, разбив этот страшный лед молчания. Только вот сделал это он, по своему обыкновению, неловко: зацепил-таки своею речью щекотливый вопрос и даже не совсем косвенно. Заговорил он о страстях, чем тут же произвел резонанс среди гостей, заставил надолго задержать дыхание Антонину Анатольевну и еще ниже склонил голову друга. Такой поворот событий его, бесспорно, разочаровал, но он решил рук не опускать и тут же, как-нибудь все это дело замаять и исправить. Пусть в неприличной роли Полишинеля, но он грозovou тучу от Андрея отведет! – решил про себя Пряников и приподнялся за столом для объяснения.

Как раз в это же время тихонько входил в ворота родительского дома Данил Игнатов, приехавший домой с учебы без предупреждения, а мы, как помнит дорогой читатель, за ним следовали... Он остановился в трех шагах от калитки, в тени дома, куда не достает свет из беседки, и продолжает стоять там никем незамеченным. Что его остановило, об этом упомянем позже, улучив свободную минуту. Пока же сконцентрируем свое внимание на Дмитрие Сергеевиче, который к этому моменту уже держит ответ перед маминой подругой:

–Вы, Маргарита Олеговна, столько всего сказали, и так наскоро, и так умно, что мне, кажется, всего так сразу и усвоить не удалось.

–Я осмелилась поинтересоваться... – намеревается разъяснить свой вопрос Маргарита Олеговна.

–Нет-нет, – спешит перебить ее Пряников, – основа вашего интереса, так сказать, хребет его, мне совершенно ясен, – говорит он почему-то семеня на месте своими коротенькими жирными ножками, что его и без того забавной грузной фигуре только добавляет комичности. – Здесь вы весьма остроумно и точно заметили, что мое изложение собственной мысли как-то не сложилось, вернее, не так сложилось, точно слова я не те подобрал. И это весьма может быть, и даже наверно. Но ведь и вы, наряду с тем, могли не всё правильно воспринять... то есть, может быть, и очень даже правильно, – спешит он поправиться, – но все же как-то резко пересказали, как-то, как вы одна умеете, как-то перенастроили, что ли, на свой лад. Фу-у-х, – переводит Пряников дыхание и вытирает крупные капли пота, что выступили на его лбу и на безволосой макушке. – Да что я перед вами, как школьник! Нет, ну, в самом деле? – говорит он, точно опомнившись, и садится, но, тут же, снова встает и, как будто ободрившись и даже приосанившись, с невесть откуда взявшейся решимостью в голосе продолжает:

–Хоть вы и директор, но я не школьник, Маргарита Олеговна, и не на каком-нибудь там экзамене, поэтому, считаю, что говорить могу свободно и развязано, и непринужденно, Маргарита Олеговна, в первую очередь непринужденно! И все, что было мною сказано и на чем вы так особенно заострили внимание, всё – мои собственные мысли, то есть я своим умом дошел, Маргарита Олеговна, в этом я вам даю гарантию!

Маргарита Олеговна не спускает своего любопытствующего, пронзительного взгляда с оратора, и всё плавно кивает головой, будто поддакивает. Это ее обычная манера, когда у нее с кем-то возникают разногласия: пока говорит ее оппонент, она производит плавные движения головой по вертикали, при этом выражение лица ее обнаруживает что угодно, но только не согласие. Пряникова, кажется, этот взгляд и эти загадочные поддакивания начинают ужасно конфузить. Он как-то весь стушевывается, и, в свою очередь, свой взгляд прячет – где только приходится: в блюдах за столом, в фужерах, в бокалах, останавливает его на лицах остальных присутствующих; кажется, он готов залезть под стол и оттуда продолжать свою речь, лишь бы только избежать встречи своих глаз с глазами Маргариты Олеговны. Таков сейчас Пряников. И так может влиять на таких заносчивых, развязных, искушенных в диспутах говорунов, как Дмитрий Сергеевич, эта на вид хрупкая, на зависть уравновешенная и рассудительная женщина.

–Я вот что намереваюсь предпринять, – продолжает Пряников, но уже без прежней решимости в голосе и потупившись куда-то в стол. – Чтобы точнее передать свою мысль, я попытаюсь вам... то есть не вам лично, Маргарита Олеговна, а всем здесь собравшимся... Короче говоря, я предприму попытку так донести свою мысль: проявлю ее в отдельном примере, – примере весьма отвлеченном и, ровным счетом, никого за этим замечательным столом не затрагивающем. В общем, все, что я вам сейчас расскажу, воспринимайте, пожалуй, как сказку, но, как сказку правдивую и житейскую, и уже решайте сами, что хорошо в ней, что плохо. Если же кому по ходу этой сказки *что-то* покажется уж нестерпимо неприличным, что ж, пожалуй, прервите. Но, все же, мне бы хотелось, чтобы вы дослушали сказку до конца и решили для себя, не пошло ли это «что-то» в ней в конечном итоге во благо и представили на секундочку, что удача временами может прятаться даже в самых неудобных местах. Это вам мое предисловие; теперь же непосредственно сама сказка...

Бенефис Пряникова

Пряников остается стоять. Поправив пиджак и ослабив галстук, он несколько церемонно и даже театрально обводит глазами всех присутствующих за столом (избегая разве Маргариты Олеговны), как бы призывая тем всех к вниманию.

– Жил был на свете один замечательный человек, – по всем законам выбранного жанра начинает он свою сказку, – некто... Вадим... Эдуардович... Щепочкин – пусть будет так. Имя, как вы понимаете, сказочному герою я нарочно выдумал, потому как реальное лицо, по жизни которого и складывается сюжет нашей правдивой сказки, слишком знаменитое и, я бы даже сказал, знаменательное. В сказке же будут затронуты некоторые факты весьма интимного характера, выставляющие настоящее, то есть реальное лицо с любопытной стороны и его компрометирующие, поэтому, сами понимаете... Так вот, этот Вадим Эдуардович работал ревизором, то есть налоговым инспектором, говоря современным языком, и, конечно, вовсе не тем он был замечателен. Жила в нем одна неудержимая страсть, или порок, по счастливому выражению многоуважаемой... (Дмитрий Сергеевич аккуратно кивает головой в направлении автора этого «счастливого выражения») и остроумнейшей нашей Маргариты Олеговны, – уж больно Вадим Эдуардович был азартен. Где в него этот порок, разрешите, впился и как в нем рос и развивался, и какими, дабы вам было угодно, катастрофическими ситуациями его испытывал, и как, в конце концов, за непоколебимое упорство и привязанность к себе вознаградил – сейчас мы с вами в хронологическом порядке все это хорошенько рассмотрим...

– Дима, всем известно как ты любишь блеснуть красноречием, и как уморительно хороши иной раз твои сказки, но ты уверен, что сейчас тому самое время и... Я хочу сказать, что может быть не совсем уместно... Впрочем, поступай как знаешь. – Эта пышная миловидная дама, кто, своим звонким вибрирующим голосом (на ходу прерываясь как бы из боязни сказать чего лишнего и самым отъявленным образом акцентируя на том), кто только что предприняла попытку остудить пыл на глазах преображающегося Пряникова, есть Бондаренко Анжелика Владимировна. Худощавый брюнет с большими навывкате глазами, разместившийся по правую руку от нее и чуть в стороне, но все же, через стол от Пряникова – ее муж Илья Семенович. Дмитрий Сергеевич ему еще язык не показывал и долг не отдавал, разумеется, тоже (читатель помнит, как неудачно действовала в решающий момент Мария Шарاپова); но данное обстоятельство его откровенно коробит и такое размещение за столом он находит неслучайным: подозревает Дмитрий Сергеевич, что Илья Семенович нарочно позаботился, дабы лицом к лицу со своим должником усесться. «По крайней мере, прямо предо мной Тоня Игнатова, и то приятно будет взгляд развлекать», – думает Пряников. Впрочем, откровенно говоря, ему пока не до Бондаренко, его более заботит поведение супруги своей, сидящей от него по правую руку, – уж больно у нее взгляд сейчас какой-то насмешливый, к тому же не могло уйти из памяти Дмитрия Сергеевича и ее поведение во время приветствия. «Что-то она нечистое держит себе на уме, должно приехала своего мужа перед дорогими ему людьми в черном свете выставить. Но я ее предупрежу, посмотрим, кто еще больше насмеется над кем!» – дает он себе урок, выстраивая тем временем самую добродушную улыбку на своем круглом, лоснящемся лице.

– Не волнуйся Анжела (Пряников с Анжеликой Владимировной «по старой дружбе» в общении друг с другом на короткой ноге), – я только в двух словах, само, что ни на есть, сжато, не заметишь, как и эпилог подойдет. На чем я остановился?.. Ах да! Где привязалась этакая зараза, имеется в виду порок, к нашему сказочному герою? – вот с чего мы собирались наши исследования начать.

Итак, пробудилось пристрастие к игре в подвале... Да, в подвале обыкновеннейшей «сталинки», в одном отдаленном мрачноватом квартале не весть какого городишка, по типу нашенского, – а вы где думали азарту проспать: в казино? Нет, это киношный вариант из-за

окияна; у нашего же брата любой почин приходится немножечко с душком и обязательно подгаженный. И вот ведь что удивляет и что для меня лично загадка: это-то неблагообразное, что с душком, человека-то нашего в себя таки окунает, и с головой окунает, друзья мои, напропалую, ведь я-то не понаслышке знаю, как оно обыкновенно происходит. И так решительно во всем: то есть мы ведь сейчас о пороках? А я все же настаиваю на страсти! в рассматриваемом нами варианте – страсти к игре. Но ближе к делу. Значит, первый свой куш Вадим Эдуардович в подвале сорвал. Нет, это не тот случай, когда новичкам везет; не тот человек Вадим Эдуардович. Он ведь не сразу за игральный стол бросился; он месяц зрителем в подвал этот выхаживал: все чего-то ждал, да как будто примерялся. Играли в ту пору в «трыню». Интересная игра. Что-то по типу покера, только на стол ничего не выкладывается: по три карты на руки, считай очки, а дальше одна психология...

Здесь я все-таки, как не крути, а вынужден прибегнуть к кое-какому признанию, потому как, вижу, обойтись нельзя и – всё для полноты и прозрачности самого рассказа, извините, сказки, которой и ваш покорный слуга был мимолетным участником...

Пряников, как говорится, в ударе: тут и «ваш покорный слуга» и декламация пущена в ход; вот еще и долькой апельсина со стола полакомился.

– Ух, вкуснота-а! – смакует.

– Вот вам, собственно, и все признание, – продолжает он выделано развязно, вертляво жестикулируя своей короткой с пухлыми пальчиками ручкой. – Да, сознаюсь, среди играющих в уже представленном вам подвальчике бывал, и даже в роле завсегдатая. Ну, так вот, как почетный член нашего тогдашнего клуба, сам на себя дивлюсь и задумываюсь, как это я не помню, кто это к нам *ввел* тогда Вадима Эдуардовича. Ведь клуб закрытый был, сами понимаете, и без надлежащей протекции попасть к нам было решительно невозможно. Но кто ручался за него, хоть убей, не помню. Да оно и не важно! Важно, что начал ходить к нам Вадим Эдуардович без пропусков, высиживая от звонка до звонка, выстаивая, если быть точным, и одно наблюдал за игрой со стороны – не только безучастно, но и как-то отчужденно. На вторую неделю мы уж и посмеиваться над ним стали.

– Германн, – обращался к нему один торговец углем, – садись штаны проиграй что ли, аль мои отними, гляди у меня какие: от Гуччи, молдавские, сегодня только в переходе за полцены выторговал.

– Нет, – вставлял банкиришка один, Олег Егорович, – наш Германн не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее, – цитировал он по Пушкину.

– Германн свои три карты ждет! – выкрикивал третий.

– А ты его, стало быть, со своей ведьмой тещенькой знакомил, говорят она у тебя еще в соку?

– А ты, видать, не понаслышке знаешь?

– Врешь, голубчик, мне Германн шепнул. – И всё в том же духе. Ох уж мы и наострили в эту вторую неделю, да назубоскалили над тихоней нашим Вадимом Эдуардовичем. За ним так, кстати, прозвище это, Германн, и закрепилось. Вадим же Эдуардович, в свою очередь, и в ус себе не дул, на колкости не отвечал, да всё держался особняком, так что в скором времени и потешаться над ним этак, в холостую, наскучило, все и замолчали, а после и забыли о нем вовсе. Замолчали-то – все замолчали, а вот забыли все да не все. Заинтересовал меня с чего-то наш Германн; что-то мне подсказывало, что вовсе не праздно, не от безделья какого он свои часы в подвальчике нашем выстаивает. Стал я к нему присматриваться поближе.

Был он высокий худощавый брюнет. Лицом был красив, но имел вид истощенный и как будто болезненный. Бледен был чрезвычайно, как смерть. И вообще наблюдалось во всей его фигуре нечто мистическое, – не то, чтобы наблюдалось, но, точно, чувствовалось. Я вам сейчас попытаюсь своим тогдашним видением всего его передать, – его, как атрибут той обстановочки. Представьте на секунду. Подвальное помещение. Нет, без прохлады и сырости, напро-

тив, помещение сухое и хорошенько обогреваемое, так, что даже душно. А не душно быть не может, помещение, мягко говоря, не велико: пять на четыре. В одном углу шкаф с мастерскими принадлежностями; в другом древнее вольтеровское кресло, совершенный антиквариат, впрочем, очень затертый, да и вообще ветхий. В этом кресле обыкновенно почивает один почтенный и ужасно уважаемый в известных кругах старик. Говорю вам, игралось у нас по-крупному. Были случаи, оставлялись ключи от автомобилей и сверх того порука о выплате; то есть случалось, что весьма недурной техники после некоторой «свары» проигравшимся не хватало вполне, чтобы по долгу расплатиться. Так вот, одно присутствие этого старика гарантировало дальнейшую выплату; да и вообще, знаете как оно: опыт иной раз в ином случае всегда верно рассудит. С этого кресла этому старику был хорошо виден игровой стол, и без помех прослеживалась сама игра – с его стороны за стол не садились. Игральным столом был низенький журнальный столик, и располагался он прямехонько по центру комнатушки. Участвовали не более пяти человек, и сидели все на маленьких табуретах – так повелось, и так было принято. Удобств, как вы понимаете, никаких, но – как, бывало, засиживались! Утомился, ноги затекли, или по другим причинам – можешь выйти из игры, когда угодно, тебя в любой момент заменят, всегда желающие были. Но, если уж поднялся и место освободил, в полной мере игрой не насытившись, будь добр, довольствуйся ролью безучастного зрителя, пока кто еще не утомится, или же, что скорее, под ноль или в минус не проиграется. Был еще в нашем подвальчике один замечательный уголок, где на махоньком столике грелся старехонький тульский самовар, и где в лукошке лежали всегда свежие сухари и бублики. Заваривал чай и бегал докупать лакомства один беспризорник, невесть откуда взявшийся, но чрезвычайно всеми нами любимившийся, – очень смысленный и ушлый мальчишка, лет одиннадцати; звали его Семеном. Впрочем, этот подвальчик на тот момент служил Семену домом; и еще, наш почтенный старик, это я уже опосля слышал, мальчишку вроде как в будущем усыновил, – до того привязался старик. Но это уже отдельная история, к нашей сказке отношения никакого не имеющая. Последний вам набросок и к слову о недостатках: у нас курили. Можете себе представить, комнатушка пять на четыре, с ужасно низким потолком, настолько, что обнаженная лампа, свисающая на полуметровом проводе, приходится чуть ли не промеж голов играющих; в таком-то коробчонке и до десятка курящих – глаза выедает, голова идет кругом, но отказаться себе в куреве было выше наших сил. Вот ведь зараза какая! Даже мальчонка иной раз к кой-какому окурку своими детскими губками прикладывался – конечно, украдкой. Не скрою, иногда становилось невыносимо, и мы задавали себе урок воздержания – на час, на полтора. Совсем не курил лишь один среди нас. Да, вы правильно догадались. Вадим Эдуардович, наш Германн, не курил, не заговаривал и даже не пил чай, хоть мальчишка, с подачи старика, подносил ему стакан ежедневно и по дню неоднократно. Он отказывался и даже с видимым раздражением человека, которого пустяковым вопросом отрывают от чрезвычайно важного, требующего кропотливости и сосредоточенного внимания занятия. Он все стоял в своем единственно свободном углу, неизменно заложа руки за спину и чуть склонив голову, – настолько низок был наш потолок. Он своим вострым неподвижным взглядом сквозь густую пелену едкого табачного дыма неотрывно следил за игрой и... за играющими. Да, и в первую очередь, за играющими; я не раз ловил его изучающий рентгеновский взгляд на себе. «Этот человек себе на уме», – думал я, и, как выяснилось позже, не ошибался. Щепочкин, в свою очередь, сходу обнаружил, что я тоже его наблюдаю, и, странное дело, когда наши взгляды встречались, он не стремился отвести глаза. В такие моменты в его взгляде можно было прочесть: «Да, ты знаешь, что я изучаю тебя, и я знаю, что ты меня изучаешь, утвердим это, и – зачем прятаться?» Но я прятался. Мне был тяжел этот неподвижный открытый и испытующий взгляд. Наконец, я решился, и в один игровой день, по его окончании, сумев воспользоваться подходящим моментом, нагнал широко шагающего в нужном мне направлении Вадима Эдуардовича. Был уже рассвет.

–А, это вы, – нисколько не удивившись, равнодушно произнес он, когда я, весь впопыхах, с ним поравнялся.

–Да это я, – отвечал я, с трудом переводя дыхание. Затем, кое-как да запинаясь, я оповестил, что «не на колесах сегодня» и что держу путь на автостанцию, поинтересовался, не по пути ли? Ответ был: «по пути».

–Вы знаете, у вас очень широкий шаг... – пытался я завязать разговор. – Вы любите быструю ходьбу?

Он опять отвечал коротко: «застоялся», – и ни на чуть не сбавлял темп. Я же с трудом поспевал за ним, и даже на трусцу переходить приходилось. Некоторое время длилось молчание.

–На автостанцию... – вдруг и с ощутимым опозданием заметил Щепочкин, и как-то задумался. – Занятно, сегодня, конечно, не ваш день, но я не предполагал, что вы из тех, кто ставит на кон последнюю монету.

–Это вы про такси? потому что я не вызываю машину? – уточнил я.

–Про такси, – резко вторил он и неожиданно остановился. Долгезелный взгляд тут же навис надо мной. Было в этом взгляде что-то устрашающее, и хоть был я как минимум вполвину крупнее своего попутчика, все же пришлось невольно попятиться. Но уже через секунду Вадим Эдуардович смотрел дружелюбно и говорил со мной ободряюще.

–Вы, Дмитрий Сергеевич, – говорил он, – вежливый человек, всегда обращаетесь на «вы», что свидетельствует о воспитании. Воспитанность – редкость в наши дни, а жаль, ведь только она прельщает. И вообще, мне кажется, вы должны быть из тех простодушных чудаков, которые всем нравятся. Признаюсь, вы и мне симпатичны. Позвольте несколько советов?

Я не возражал.

–Играя, – начал он, – играя, вы ужасно себя выказываете. Когда к вам приходит «карта» вы щурите глаза и вообще весь сжимаетесь, и от своей этой карты не отрываетесь вовсе, будто на ней в тот момент весь свет клином сошелся. Напротив, когда на руках у вас очей нет, вы как-то развязнее и охотно свой взгляд развлекаете. Блефовать вы не умеете совершенно, и решаетесь прибегнуть к хитрости только будучи «пустым», это примечательно. Вот вам выборочно ваши некоторые черты, в целом же в вас таковых примет десятки, и то, только тех, что я успел рассмотреть. Признаюсь, вами я мало занимался. Обобщу: мне кажется, игра не ваш удел, в ней располагать вы можете исключительно на голый фарт; с багажом же в одну слепую удачу вступать в игру, где пять участников, значит иметь шансов на выигрыш не более двадцати процентов из ста – согласитесь, маловато. Что же касается завтра, вот вам мой капитальный совет: не садитесь за стол, завтра вы непременно проиграетесь...

–О, я вас, кажется, утомил! – как будто очнулся Пряников. Он и впрямь как-то особенно увлекся и по ходу этой своей «сказки» будто окунулся в ретроспективу – с головой и безотчетно. Да, он декламировал, он восклицал, а когда свой диалог представлял с Щепочкиным, так даже роли играл, менял голоса, – но осознанно ли? Вам как показалось, дорогой читатель? Может, Пряников, по обыкновению своему, просто-напросто собственными речами упился, одним словом, закуражился? А может, здесь, что и другое, может, это и есть та самая роль Полишинеля, в которую, в угоду другу, чтобы от него грозу отвести, собирался облачиться Дмитрий Сергеевич? Сложно определить, послушаем, что он расскажет далее?

–Поверьте, так было необходимо, – торопится оправдаться он. – Это для последующего контраста, для ощущения его нужны были все эти мелкие детали. Дальше же все пойдет скоренько, поверхностно, вот увидите. Анжела, Тоня, Маргарита Олеговна, – о, он уже открыто смотрит Маргарите Олеговне в глаза! – сейчас самый сок, сейчас страсть закипает, что ведет к удаче, к вершине, – чрез тернии к звездам!.. Все, унимаюсь, – говорит он, будто ретируясь и извиняясь перед слушателями за высокопарный слог. – Теперь строго, сухо, кратко – к делу...

–А дело было следующим днем, – возвращается Дмитрий Сергеевич к своей сказке, – следующим днем, после того как Вадим Эдуардович, надавав мне советов пачку, оставил меня, озадаченного, эту пачку советов с открытым ртом переваривать.

Дело состояло в том, что в нашем клубе, а лучше, в нашей компании, а то я все как-то пафосно выражаюсь, – в нашей игорной компании по последним воскресеньям месяца были заведены двойные ставки. Зрителей в такие дни становилось все больше, участников меньше, вообще же, народу набивалось немало. Конечно, посторонних с улицы быть не могло, но ведь и «своих» по таким воскресениям вполне доставало: приходило человек до пятнадцати, – в эту-кую коморку, можете себе представить? Соль в чем? Месяц на дворе стоял – декабрь; а значит что? Ожидалось последнее воскресенье не только месяца, но и года! Предчувствовалось, что воскресные двойные ставки должны будут и еще возрасти, но заранее еще ничего не обсуждалось. В общем, ажиотаж в преддверии игры стоял нешуточный. Как вчера этот день помню, приходился он на 30 декабря. Собирались обыкновенно к семи вечера; я всегда приходил заранее, чтобы уж наверняка в первую пятерку попасть. У нас как оно было: пятеро на месте – начинаем; прибывающие, разумеется, в очередь. Я пришел в половину, и был третьим, третьим участником; Германн уже стоял в своем углу. Когда я вошел, он вновь дюжим взглядом прошелся по мне. Я, конечно, сделал вид, что мне такое внимание нипочем, как вроде я этого его взгляда и не замечаю; про себя же, признаюсь, отчего-то сробел. Впрочем, мимоходом я ему головой кивнул. Раскланялся также со стариком и потрепал по плечу мальчишку. Из игроков уже были банкир и торговец углем. Вскоре пришли еще двое, и мы приступили к игре – сразу по двойной ставке, конечно. Я уже успел порядком проигратъся, к тому моменту, когда вошел этот человек. Видели бы вы, как у всех лица вытянулись. Нет, знаком этот человек был, конечно, всем; ну, как знаком, телевизор ведь в доме был у каждого. Но мог ли кто предположить, что такой субъект пожалует к нам в подвал!.. Все вдруг, как один, привстали. И тут этот человек улыбнулся – самой простодушной, самой дружелюбной улыбкой.

–Добрый вечер, братцы! – произнес он наиприятнейшим голосом. – Вот, удостоился побывать в ваших замечательных краях и прослышал об этом месте славном; дай, думаю, заскачу, что здесь, да как? Почему играем? – поинтересовался он.

–По «столько-то», – вдруг выкрикнул я, – самое что ни на есть вдруг, честное слово, нехотя, точно черт подтолкнул. Все на меня покосились, – ещё бы, мое «столько-то» было втрое выше нашей двойной, по которой мы на самом деле тогда играли. У меня аж пот выступил: ну чего я влез, ну как всегда? А у самого вот таких «столько-то» к тому моменту всего ничего оставалось.

–По «столько-то» – это неплохая ставка, сразу видно, люди вы серьезные.

У меня на сердце отлегло, да и банкир по плечу одобрительно хлопнул.

–А что, может быть, поднять нам ставки, – продолжал этот человек нараспев сладчайшим голосом, – в честь праздника, ещё втрое?

Всех так и покорило. Вдумайтесь только, я наши двойные втрое умножил, это уже в шесть раз больше обыкновенного, этот же до восемнадцати прет. Да у меня если и было столько, то на один-два хода каких-нибудь. Даже торговец углем, и тот, как рак покраснел. Покраснел, но все же вымолвил:

–Что ж, можно, – вымолвил и присел. Я встал. Я встал и сел. Двое встали из-за стола безвозвратно. Этот человек сел на одно из освободившихся мест, предварительно облобызавшись с нашим почтенным стариком и расспросив того о здоровье. Оставалось одно свободное место, да и мое подо мной всю колыхалось.

–Есть еще желающие? – поинтересовался старик.

Желающие? С таким-то раскладом, вообще можно ль было заговаривать о желающих!

–Ну, что ж, раз все в сборе... – начал было этот человек, перебирая и постукивая друг об дружку свои ухоженные, не без весьма внушительного размера украшения пальцы. Его прервал

резкий отрывистый голос, пришедший откуда-то из глубины, из-за спин собравшихся зрителей.

– Я сяду, и с удовольствием, если мы теперешнюю только что утвержденную ставку поднимем еще вдвое!

Каково же было всеобщее изумление, когда автором этого шокирующего вызова был признан Германн. Пред ним расступились, он подошел к столу. Мне показалось, он был бледней обыкновенного, но смотрел решительно.

– Да ты чего, Германн, белены объелся? – дрожащим от удивления голосом произнес банкир.

– А что, прекрасная идея! – заулыбался этот человек, одаряя всех и вся своим превосходнейшим расположением духа. – Садись, милоч, сыграем! ведь никто не против? В честь праздника!

– Да он в жизнь не садился, он зритель, он отравился чем-то, мухомор проглотил! – возмутился банкир.

– Полно тебе, братец, – не уставал сладить этот человек, – ты только посмотри на этого молодца – здоровый, румяный, розовощёкий – богатырь! – И это все о нашем Германне? – да с такого точно, как он, Достоевский своего Раскольникова списывал! Но, можно ли было такому человеку перечить? Германн сел подле меня. Я встал, вновь сел, опять встал, но уже окончательно, оповестив, что не имею достаточных средств для такой игры. Раздали на четверых...

«Вадим Эдуардович это что-то невообразимое, невысказанное, невероятное! Вы... вы Мастер, вы Провидец, вы, в конце концов, иллюзионист! Как вам это удалось!» – так, или что-то в этом роде я воскликнул, когда мы с Германном рука об руку шли с игры. Я был взволнован до предела, я шел твердо, но будто в тумане, меня ноги сами вели. Вадим Эдуардович шагал тоже совершенно бессознательно, но вовсе не так уверенно; он точно проваливался с каждым новым шагом, и я его поддерживал. Он совсем ничего не говорил и, уверен, ничегошеньки не понимал из всего моего восторженного лепета. Он имел вид человека изнеможенного и лишённого рассудка. Так и было, он все оставил там, в подвале, – все свои душевные, физические – «богатырские» силы; он оставил там мысль и внимание. Он был амебой в тот момент. Думается, приведи я его тогда к пропасти, на десять шагов от обрыва, и оставь самого, он продолжил бы путь сам, по инерции, и непременно шагнул бы вниз. Я спас его тогда, друзья, это точно, меня тогда приставил к нему его ангел-хранитель. Его бы обокрали, его бы по дороге убили! Вы не знаете! Он нес в руке пакет, обыкновенный полиэтиленовый пакет с ручками, пакет, под завязку набитый деньгами, и не одной только нашей валютой! Я лично помогал ему там, в подвале, эту валюту в тот пакет сложивать. О, он уже тогда перестал ощущать действительность. Действительность для него закончилась, только он встал из-за стола. Помню, к нему подошел этот человек. И этот человек был уже совсем другим человеком. Он был мрачен, как дождевая туча, и его некогда сладкий бархатный голос теперь неприятно хрипел. Он отвел Вадима Эдуардовича в сторону и что-то долго ему растолковывал. Вадим Эдуардович был как будто в прострации и, было видно, не понимал ни слова из того, что ему так настойчиво пытались донести. Но и этот человек, что тоже замечалось, мало отдавал отчет своим действиям и совершенно не контролировал поток собственных мыслей. Он все говорил, говорил, сбивался, отмахивался рукой от собственного сказанного и опять говорил, – говорил экспансивно и, очевидно, без связи. О, что игра способна делать с людьми! Затем этот человек подвел Вадима Эдуардовича к нашему почтенному старику и – все об одном и заново. Старик внимательно вслушивался, останавливал и переспрашивал; как показалось, в конце концов, он понял, что понять было необходимо, и утвердительно кивнул. Этот человек крепко пожал старику руку и, споткнувшись у выхода, поспешно покинул наш подвальчик. Германна обступили восторженные зрители, ни один из которых ни на минуту не оставлял эту жалкую конуру во

все время игры; можете себе представить насколько игра была увлекательной? По ее окончании каждый норовил отдать хвалу победителю: Германна бессмысленно шатало со стороны в сторону – от дружелюбного толчка к поздравительному объятию. Я насилу вырвал его из этого взбалмошного улья.

Как мы попали к Вадиму Эдуардовичу домой – представить не могу, я ведь и сам был как будто пьян. А было уже 31-ое число – вот-вот Новый Год! Вошли мы к нему в начале одиннадцатого, – стоял уже день-деньской. Где нас носило порядка четырех часов после игры – ума не приложу. Вадим Эдуардович так и рухнул на пороге своей квартиры, только нам отворила дверь его жена. Деньги высыпались из пакета и...

– Так ваш Щепочкин, оказывается, был женат? – А ведь острым, своевременным и вновь к чему-то подводящим вопросом прервана «сказка» Пряникова, – как на ваш вкус, прозорливый и чуткий читатель, вы не находите?

– Да, Анжела, Щепочкин был женат, конечно, женат; я разве не упоминал? – удивляется Дмитрий Сергеевич. – Но это не важно, мы не о том, жена не имеет значения...

– Действительно, какое значение может иметь жена, – чуть слышно и, скорее всего, одной лишь себе, как мысли вслух, крайне недовольно и даже с некоторым презрением, произнесла Маргарита Олеговна; она все покачивает головой и не сводит глаз с упоенного собственными речами оратора. Данил (и мы вместе с ним), кроме того, ловит вдруг вспыхнувший взгляд своей матери и делает несколько шагов вперед, выводящих его на свет из сумрака. Антонина Анатольевна, судим со стороны глядя, стала как-то особенно сконцентрирована и внимательна, чего прежде мы в ней не наблюдали, и она, конечно, отметила про себя выражение Пряникова, и слова Маргариты Олеговны, несомненно, свою лепту внесли, – иначе с чего было взяться такой реакции?

– Вы знаете, а ведь не зря я все-таки пред вами только что о Щепочкиной Галине так размазал. (Это, вероятно, пока мы были заняты нашими наблюдениями Пряников «так размазывал»). – Признаю, смотря правде в глаза, не будь этого невзрачного, ничем не примечательного, болезненного существа, была бы неполноценной наша сказка, – вот именно «катастрофических ситуаций» в ней бы не доставало. А все почему? Да потому, что самому рассказчику, то есть сказочнику, то бишь мне, дорогие мои, ровным счетом ничегошеньки об этих «ситуациях» не было бы известно, если бы Галиной Олеговной, супругой Германна нашего, из уст в уста не было бы передано... Эх, заврался я пред вами, любезные вы мои, никаких из уст в уста для меня не существовало, а ко мне, лишь как к лицу постороннему, от лица третьего все это «катастрофическое» доходило. Вижу, запутал вас окончательно, да и сам, честно говоря, запутался. Что ж, если обойти никак нельзя, и, как говорится, сказал «а»... то придется мне все же таки в сказку нашу затереть и свою дражайшую, – а все потому, что без дрожи не вспомнишь, – дражайшую бывшую супругу.

Дмитрий Сергеевич при этих словах с каким-то торжествующим видом всем своим телом и, в своей манере, крайне неуклюже поворачивается к жене. При этом задевается им бокал, содержимое которого, красное вино, переливается на расположившуюся слева от Пряникова Нину Матвеевну.

Нина Матвеевна еще одна подруга Антонины Анатольевны, замечательно кроткая и набожная женщина. С нею мама Данила неизменно ходит в церковь по воскресеньям. На вечерах у Игнатовых она бывает редко, но сегодня Антонина Анатольевна почему-то настоятельно ее к себе затребовала. Безотказная Нина Матвеевна приглашение приняла и вот она перед нами, с перепуганным лицом, учащенно и стремительно крестится, очевидно, по привычке, как и всегда это делает в «экстремальных» жизненных ситуациях. Замечательно, что помимо Игнатова Данила нас с вами, любезный и внимательный читатель и Богородицы-заступницы, к которой мысленно призывает сейчас Нина Матвеевна, скандальному этому происшествию не находится других свидетелей. Столь увлечены все рассказом Пряникова. Что касается самого,

с позволения сказать, сказочника, Дмитрий Сергеевич не то, что предметов подле себя, он и ног под собой в это время не чувствует от внутреннего торжества по поводу нашедшейся возможности предупредить в острословии свою спутницу, «чтобы она впредь себе в голову лишнего не забирала». Пока Нина Матвеевна тайком и безропотно скрывает следы происшествия, устанавливая на столе опустевший бокал и укладывая кухонное полотенце поверх распостранившегося от края белоснежной ее блузы и по длиннополой юбке чуть не до самых колен багрово-красного пятна, Дмитрий Сергеевич, обращаясь к жене, с ликованием сердца, отобразившемся отчасти и на лице его, говорит следующее:

–Разреши, мой мармеладик, язвочку свою помянуть, – закатывает он глазки просительно. Марина Александровна (третью и теперешнюю жену Пряникова зовут Марина Александровна) посылает своему «суженному» одобрительный воздушный поцелуй и почему-то переводит свой насмешливый взгляд в сторону Данила. Да, она его заметила, она открыто смотрит ему в глаза и как бы призывает его в свидетели происходящего; «то-то еще будет», – говорит ее взгляд.

–Итак, к разъяснению, – вновь вступает в свою роль сказочник, – вот как все происходило:

Значит, только мы переступили порог, Вадим Эдуардович без чувств рухнул, деньги разлетелись, – я уже говорил. Жenuшка его, Галина Олеговна, ясное дело – ошеломлена. Я ее, конечно, миг успокоил, и все, как нужно, то есть, как ей должно было знать, объяснил. Хотела также звать за лекарем, я и здесь ее уверил, что абсолютно незачем, что человеку только то и необходимо, что сон, что встанет и будет как новая копейка. Заранее скажу, все так, по моим словам, и случилось. Ну, а пока Вадим Эдуардович, так сказать, обновлялся, то есть крепким сном лечился, мы с Галиной Олеговной совершенно сошлись и даже успели кое в чем сговориться. Она, конечно, с первого шага уверовала, что друг я Вадиму Эдуардовичу крепкий и преданный, и, в свою очередь, пожаловалась, что совсем одичала за последнее время и что гостей у себя с самой свадьбы не видела; ну, а на мое: «по гостям?» так ответила: «Может, оно и было когда, да так давно, что уже и забылось».

Что-что, а праздники организовывать я умею! – так я ей тогда и заявил, и, главное, повод-то какой был – Новый Год все-таки! Отщипнув немножко из пакета, – ведь свое-то почти все я проиграл, да и отщипнул лишь самую малость, только на самое необходимое, – полетел я за жenuшкой своей ненаглядной, Галине Олеговне наврав предварительно, что «она у меня милейшее существо и с ней нельзя не сойтись». Впрочем, с людьми посторонними язвочка моя действительно была всегда мила и обходительна, так что я даже удивлялся на нее, иной раз, задаваясь вопросом мысленно: «моя ли это кровопийца?» Как меня моя «ненаглядная» встретила, не стану распространяться, ведь все ж таки почти сутки меня дома не было. Но я ее, кое-как да с горем пополам, задобрил, сообщив, что Новый Год будем праздновать с наилучшими людьми за наироскошнейшим столом. Как вы понимаете, слово нужно было держать, и магазину одного моего хорошего знакомого, что подвернулся по дороге к Щепочкиным, мы принесли немалую выручку. Гребли с «дражайшей» моей без разбору: всевозможные колбасы, сыры, копчености, красную икру и красную рыбу; из выпивки, конечно, только элитное. В общем, в том магазине из мною отщипнутого честно оставили все, ну или же только без малого. Хозяин того магазина, мой хороший знакомый, так даже отдельно поблагодарил меня опосля. Короче говоря, стол мы действительно накрыли роскошный... Ну все, на этом окончательная баста всем подробностям; дальше только вскользь, поверхностно, о самом, что ни на есть, главном.

Начну с того, что супруга моя с Галиной Олеговной в ту новогоднюю ночь таки подружилась. Опять же, удивляться тут нечему, я уже говорил, что «язвочка» на людях никогда свое жало не обнажала, представлялась любезной и обходительной, ну а затворнице той с непривычки, понятное дело, любой человек не с экрана ее старенького телевизора никем иным и не

мог показаться, кроме как, каким-нибудь исполином. Что же касается нас с Вадимом Эдуардовичем – не заладилось; распространяться не стану, просто, как ни с той ноги человек встал, да и я, может быть, не сумел должным образом себя повести. А что оно такое: должный образ, – это уже вопрос пятый и нам им заниматься некогда. Тем не менее, Новый Год мы тот кое-как высидели – в уступку нашим «дорогим и ненаглядным». Ну, а что далее? Прошло два дня, и я в последний раз видел Вадима Эдуардовича – конечно, в нашем подвале. Он тогда опоздал, чего с ним ранее никогда не случалось; вошел и – ни с кем не здороваясь, сразу к старику. Пошептались они со стариком о чем-то, не долго, одну лишь минутку; старик Щепочкину клочок бумажный, то ли с номерочком, то ли с адреском каким вручил и все – поминай, как звали; с того дня нашего Германна и след простыл. Дражайшая же моя с Галиной Олеговной, не смотря ни на что, положили сношений не прерывать, и с момента зарождения их дружбы, то есть с того самого новогоднего празднества, хоть раз на месяц, но, непременно, виделись. И вот в каком виде, и какого рода информация о житье-бытье семьи Щепочкиных до меня доходила.

По первой так было. Возвращалась ненаглядная моя с гостей, то есть от подруги своей новоиспеченной Щепочкиной Галины (Вадима Эдуардовича она никогда дома не заставляла, все его где-то «по делам» носило), – возвращалась и тут же, с порога, давай мне выкладывать, что оно у них, да и как.

–Ничего, говорила, живут Щепочкины, не тужат (еще бы тужить, с таким-то кушем за пазухой). Говорила, что по долгам они, конечно же, рассчитались. (Оказалось, наш Германн накануне своего фееричного выигрыша порядочно назанимался, и у весьма серьезных персон – а все, чтобы в тот знаменательный для себя день иметь возможность сыграть по-крупному: вот ведь характер!)

–Вадим работу бросил окончательно, – продолжала дражайшая моя тешить мое любопытство. – Теперь одна игра... Что же до Галюськи – она все то же: дикарка неисправимая; я ее насилиу из дома выманила. Говорю ей, новые сапожки, шуба норковая, платица на выбор, – ну для того ли тебя муж балует, чтобы ты все это богатство в шкафу под нафталином хранила? Говорю ей, а ну марш одеваться! в ресторан пойдем. Согласилась. По пути мы еще к мастерицам в цирюльню зашли, такую конфетку из Галюськи сочинили; а она, чудачка, после, в ресторане сидит, как на иголках, робеет вся, будто кем-то пристыженная.

И так весело все это женушка моя мне передавала; видно было, и сама она развлекалась рассказом своим. Ей весело и мне заодно безмятежно, ведь, знамо дело и как одна тривиальная мыслишка гласит, спокойствие мужчины напрямую от настроения подруги жизни его зависит. Эх, подруга, подруга, – вздыхает Пряников шаловливо, – ведь бывали же и с язвочкой у меня умиротворенные минутки жизни... Но время быстроходная река, – продолжает Дмитрий Сергеевич встрепенувшись, – проходит один лишь месяцок и – ненаглядная моя возвращается с гостей, от Щепочкиной Галюси, уже в совершенно ином расположении духа: возвращается сущей Мегерой, и давай меня орошать своей ядовитой слизью.

–А ты все лежишь, лежебок, – язвит она мне, – жирок завязываешь? А то, что жена нищенствует, тебя не интересует? То, что жене твоей уже подаяния подносят, тебя не занимает, да? Да? – кричит; а я и ума не приложу, за какие прегрешения мне все это на этот раз, и какая муха «радость» мою укусила.

–Да чего же ты, голубушка, в самом деле, – обращаюсь я к гюрзе своей нежно, потому как, когда она в таком настроении бывала, с ней выгоднее всего было обходиться ласковее. – Да неужели тебе, ясочка моя, кушать нечего? – трепещу я.

–А тебе лишь бы брюхо набить, – вспыхивает она окончательно, – только о том и все мысли твои! А то, что несчастная супруга твоя третью зиму в одном и том же пальто, это тебе нипочем, на это ты глаза свои бесстыжие закрываешь, да? Да? Сам опустил ниже плинтуса, – делает она мне замечание, – ходишь как сирота рязанская в полушубке до дыр затертом, так и меня за собой на дно тянешь, к клоаку приучаешь, не дождешься! Уйду от тебя, уйду! – кричит.

Я ей:

–Маточка, родненькая, – унижаюсь совсем, чуть ли в ножки не кланяюсь, – кто же тебя надоумил, дружок, кто же тебя наострил сегодня-то так? – спрашиваю. – Ведь ты к Галюске ходила блаженненькой, – говорю. Тут-то моя вампириша как сверкнет очами; у меня от этого ее взгляда так даже кровь похолодела, – умела, ох умела ненаглядная моя этак по-особенному взглянуть, так, что мурашки на кожу мигом вскакивали, – сразу понял я, что на большое, к несчастью своему, случилось надавить.

–Так вот она-то, блаженненькая, она-то, юродивая, с барского плечика мне шубку-то свою и отпустила! – открывает мне дражайшая моя причину своей взвинченности. – Нет, ты только послушай, – блеет она мне, – выслушай, что пела твоя блаженненькая, и что мне пришлось по твоей милости вынести. «Подружка моя единственная, – обращается Галюська твоя своим вечно плачущим голосом, – слышишь, как обращается? ой, как я этот ее голосок ненавижу! – Возьми, говорит, мою шубку себе; мне эта шубка, говорит, совсем не нужна». А я ей, дура, только пред тем пожаловалась на тебя, и на твое ко мне бессовестное отношение. А разве могла не пожаловаться! – вдруг вспыхивает Мегера моя, будто я укорить ей в чем-либо смею. – Вхожу я к Галюсе, – продолжает ситцевая моя мне свое повествование, – вхожу, а у них не квартира – хоромы, и все так роскошно, так дорого, дух захватывает. Слышишь? дух захватывает! – шипит моя змея подкодная. – А она, инопланетянка эта, так, как нарочно, на всем этом богатстве акцентирует мое внимание. Будто я без нее бы никак не справилась, будто у меня повылазило! «Вот, – проводит Галюська рукой, стоя посреди залы своей сверкающей, – понавед, говорит, супруг мой, да что мне делать со всем этим? Меня, говорит, это все только пугает. А самого его никогда нет», – добавляет она. И давай мне плакаться, мол, зачем ей весь этот ширпотреб, – и это она такую роскошь ширпотребом называет! – ей, видишь ли, Вадика подавай, а там хоть сырой угол и тряпье изношенное, мол, как раньше. Я ее, космонавтку эту, конечно, тут же переубеждать принялась, свое бедственное положение ей в пример ставя. Да, а как ты хотел! – вновь оскаливается на меня моя ехидна. – Говорю ей, глупая ты, счастья ты своего не знаешь. Толку, что мой шут гороховый, – это я на тебя говорю: шут гороховый! – толку, говорю, что дни напролет рядом вертится, так ведь он только раздражает. А мне и передохнуть от него деться некуда. Деньги он мне, какие дает? – я ей на тебя бесстыдника указываю, – медные гроши. И куда я с таким капиталом, – в ресторан? людей смешить? Да и в чем мне идти, признаюсь я ей, ни платья порядочного, ни туфлей, и пальто, показываю ей: гляди какое пальто старое. Тут-то и расходилась сумасшедшая эта, в благодетель ударилась. «Возьми мою шубу, говорит, мне в ней все равно ходить некуда, да и не люблю я», – говорит, а сама, тем временем, на плечи мои уже шубку эту норковую, пречудесную набрасывает. Я у зеркала покружилась, – и впрямь, шубка как по мне шита. Галюська видит мое удовольствие, и давай по хоромам своим метаться. «Вот тебе сапожки мои, – щебечет она, – вот, на, померь платьице. А! – спохватывается, в конце концов, уже целый чемодан, взвалив предо мной, добра всякого, – мне, говорит, Вадик на карманные расходы время от времени средства кое-какие вручает, да как-то, говорит, средства эти у меня не тратятся». Вот – она мне эти средства; вот – она мне все эти вещи; вот – она мне шубу поверх всего, а у самой слезки на глазах и улыбочка умиленная; ух, я б ее за улыбочку эту, да за слезки! – топают ногами дьяволица моя. Я же, глупый, возьми и спроси у нее на свою большую головоньку, – и как только меня угораздило:

–И что же ты, голубушка моя ненаглядная, у Галюски-то все добро это приняла? – решил убедиться, и зачем только? И надо было оно мне, да пропало бы оно все пропадом! Тут-то на меня и полилась из уст ее всякая всячина.

–Приняла? – освирепело, она у меня переспрашивает. – И у тебя язык поворачивается? – брызжет слюной, беспутником, насмешником, губителем своим меня называет. – Все приняла! – утверждает желчно, – чтоб знал ты паразит обрюзглый, – обзывается, – до чего супруга твоя дошла, как по милости твоей опустилась, в какие впала крайности, – и проч. и проч., стоит

ли перечислять все тогдашние укоры ее и ругательства, что метеоритным дождем сыпались на мою несчастную, и так раненько облысевшую макушечку. Эх, – весело вздыхает Пряников, и отчего-то вдруг прерывает сказку. Теперь он вновь топчется на месте, склонив голову набок, и все как-то пригибается. В таком причудливом положении, так, исподлобья, накось, ему как будто удобнее в лица присутствующих вглядываться; и большею частью на женщинах почему-то заостряет он свое такое особенное внимание.

–А ведь не одним же только паразитом в глазах дражайшей моей мне бывать выпадало, – наконец, роняет он с улыбочкой, продолжая скользить по лицам слушательниц своим плутоватым, но все же таки с добродушной хитрецей взглядом. Здесь стоит присовокупить, что никогда нельзя разглядеть в Дмитрие Сергеевиче злодея, всегда он для стороннего глаза представляется таким гуттаперчевым добряком, такого себе врожденно шутовского репертуара, – и это справедливое впечатление, будьте уверены, так и есть, здесь на лицо, говоря языком г. Достоевского, всеместимость чудачества. Но в том-то и дело, и кто с этим незлобивым чудачком знаком, кто оказывался с этим неудержимым беспросветным болтуном в одной компании, тому, конечно же, уже приходилось быть фраппированным его умопомрачительным, порою бесконечно глупым и всегда неуместным «художеством», и тот подсознательно впоследствии даже ожидает от Дмитрия Сергеевича чего-то экстраординарного. Так вот, и что ощущает Данил (само собой чувствуем и мы с вами), за столом сейчас нависло как раз это ожидание, ожидание чего-то эксцентричного, беспремерного, из ряда вон выходящего. Руководимый нехорошим предчувствием Данил делает еще несколько шагов вперед, почти вплотную приближаясь к беседке, но попадает в тень виноградника и потому пока не привлекает к своей персоне ничьего внимания. Даже и Марина Александровна, похоже, как будто забыла о нем. Все взоры устремлены на Пряникова, который, тем временем, безоглядно фанфароня и весьма довольствуясь собой, продолжает свою «правдивую» и уже порядком затянувшуюся сказку.

–Да, не одним только паразитом, – повторяет он, – не только лишь бесстыдником, насмешником, губителем в глазах своей язвочки мне бывать приходилось. А прошел один только месяцок, и что? И возвращается гюрза моя с гостей от Щепочкиной Гали совсем ручная. Да, да, вам не послышалось, – во все тридцать два своих крепких, округлых, не без весьма естественной желтизны, словом нараспашку улыбается Пряников. – Возвращается и птенчиком летит ко мне под крылышко. А я на диване сижу, сериал как раз смотрю – интересный, документальный. Моя меломанка документального ничего никогда не любила, ей всё высокую материю подавай; я и хватаюсь, было, за пульт, чтоб изувера своего лишний раз не сердить, вижу, настроение: слава богу, думаю, от греха подальше. А она мне:

–Чего ты, милый? – милым назвала, вдумайтесь, и это меня, паразита обрюзглого. – Зачем ты, говорит, переключаешь? Ты же любишь, говорит, смотреть про Гитлеров, – это она передачи о войне «про Гитлеров» называла. – Оставь этот канал, – настаивает, – смотри, отдохай, дорогой, и я с тобой посмотрю здесь, рядышком. Ой, какой ты теплый, – ластится ко мне, мурлычет, – какой ты сильный у меня, какой ты... – не договаривает и лезет обниматься. Мне и сериал интересный уже не интересен, в толк никак не возьму, всё причины такого невероятного ее к себе расположения угадать пытаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.